

4. Budovskaja O. V. Demokratsija kak faktor stanovlenija mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii [Democracy as a factor of formation of local self-government in the Russian Federation]. *Sistema cennostej sovremennogo obshhestva* [The system of values of modern society]. Novosibirsk, 2009, pp. 107–112.
5. Budovskaja O. V. Problema mezhhregional'nogo vyvaznivanija kak sposob razreshenija protivorechija mezhduravenstvom i jeffektivnost'ju [The problem of interregional equalization as a way to resolve the contradictions between equality and efficiency]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Kaspian Region: politics, economy, culture], 2015, no. 1, pp. 62–68.
6. Kakie regiony Rossii schitajutsja dotacionnymi? [What regions of Russia are considered to be subsidized?] Available at: http://www.aif.ru/dontknows/eternal/1206689_svodnyj (Accessed 16.09.2015).
7. Mestnoe samoupravlenie kak stabilizator razvitija regiona: politologicheskij analiz [Local government as a stabilizer of the region's development: political analysis]. *Strategija razvitija regiona: social'no-jekonomicheskie, politiko-pravovye innovacii* [The development strategy of the region: socio-economic, political-legal innovation] – Orel, ORAGS Publ., 2000, pp. 23–32.
8. Natal'ja Zubarevich. Politika v otnoshenii regionov u nas kolonial'naja [Policy of colonial regions]. *Argumenty i Fakty*, 2014, no. 25, p. 12.
9. Ukaz Prezidenta RF ot 03. 06. 1996 N 803 "Ob Osnovnyh polozhenijah regional'noj politiki v Rossijskoj Federacii" [The decree of the President of the Russian Federation dated 03.06.1996 No. 803 "On Basic provisions of regional policy in the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/ (Accessed 12.09.2015).
10. Usmanov R. H. Regional'nye osobennosti dejatel'nosti organov MSU v migracionnyh processah Juga Rossii [Regional peculiarities of activity of local authorities in migration processes in the South of Russia]. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii i Germanii. Istorija i sovremennost* [Local self-government in Russia and Germany. History and modernity]. Ed. by Ja. A. Pljajs and N. M. Muharjamov. Moscow, Rossijskaja politicheskaja enciklopedija Publ., 2012, pp. 290–303.
11. Usmanov R. H. Jetnopoliticheskie processy v Kaspijskom regione Juga Rossii: Tendencii i problemy vzaimodejstvija s Federal'nym centrom [Ethnopolitical processes in the Caspian sea region of Southern Russia: Trends and problems of interaction with the Federal center]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Kaspian Region: politics, economy, culture], 2012, no. 3 (32), pp. 447–452.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Похилюк Александр Александрович, аспирант, Пятигорский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 357500, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9, E-mail: alex_viper90@mail.ru

В представленной статье рассматриваются различия в создании региональной системы безопасности на Ближнем Востоке, которые определяются историческими обоснованиями со стороны великих держав, исходными возможностями и задачами. Анализируются ключевые особенности среды региональной безопасности, влияющие на конфигурацию центров силы и контуров потенциальных союзов в регионе. Представлен опыт России по выстраиванию внеблоковой, многовекторной системы региональной безопасности.

Ключевые слова: региональная система безопасности, политическая конкуренция, «центры силы», «арабская весна», ближневосточные конфликты, «доктрина Картера», дифференцированное партнерство

TO THE QUESTION OF REGIONAL SECURITY ESTABLISHMENT IN THE MIDDLE EAST

Pokhilko Alexander A., postgraduate student, Pyatigorsk State Linguistic University, 9 Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation, E-mail: alex_viper90@mail.ru

The article discusses the differences in establishing regional security in the Middle East, which are determined by historical reasons by the great powers, source opportunities and challenges. Analyzes the key features of the regional security environment, affecting configuration of power centers and contours of potential alliances in the region. Russia's experience represented of establishing a non-aligned, multi-vector system of regional security.

Keywords: regional security system, political competition, "power forces", "Arabian spring", Middle East conflicts, "Karter's doctrine", differential partnership

В отличие от периода «холодной войны», когда многие политологи полагали, что безопасность того или иного региона можно обеспечить только в контексте более широкой системы безопасности, сегодня всё больше укореняется мнение о том, что в современных условиях возможно создание относительно автономных региональных систем безопасности. Международная безопасность на региональном уровне обеспечивается в плане развития региональных моделей сотрудничества стран.

Политическая конкуренция на Ближнем Востоке носит многоплановый и многоуровневый характер. Это продиктовано наличием разных по своей природе противоречий, наложение которых формирует проблемную модель региона. В её основе лежат четыре ключевые особенности стран: сильное экономическое расслоение государств региона, борьба за лидерство и влияние между региональными и внерегиональными игроками, нестабильность существующей социально-политической модели, а также конфликт идентичностей. «Значение, которое Ближний Восток приобрёл в современном мире, определяется не только влиянием ситуации в регионе на состояние международной безопасности, но и его сохраняющейся значи-

мой ролью в мировом хозяйстве... Энергетический потенциал Ближнего Востока – один из ключевых факторов роста заинтересованности к региону со стороны ведущих держав. Он способствовал стремительному обогащению отдельных стран и повышению их способности проецировать влияние не только внутри региона, но и глобально» [2, с. 116].

В регионе Ближнего Востока главными внешними игроками традиционно считаются такие державы, как США, Великобритания и Франция, с одной стороны, и Россия и Китай – с другой. Разделение этих государств на два лагеря обусловлено расхождением позиций по ряду вопросов, которые так или иначе связаны с вмешательством во внутренние дела ближневосточных государств (Сирия, Иран, Ирак и т.д.). Следует отметить, что различия в подходах определяются историческими амбициями великих держав, исходными возможностями и задачами.

США на Ближнем Востоке традиционно исходят из концепции политической, экономической и военной экспансии, стратегия Великобритании и Франции опирается на колониальный «багаж», Россия стремится к выравниванию баланса сил в регионе и участию в переговорных процессах по ключевым вопросам, а Китай уделяет основное внимание расширению экономического присутствия и развитию бизнес-связей [5].

Что касается «внутрирегиональных игроков», то распределение возможностей среди них меняется достаточно динамично. С 2010 г. чётко наметилось возвышение трёх центров силы – Саудовской Аравии, Турции и Ирана. Каждая из этих стран претендует на роль регионального лидера, на которого должны ориентироваться потенциальные союзники и ведущие внешние игроки.

Исторически Ближний Восток не представлял собой сложившейся региональной подсистемы из-за отсутствия в нём признанных стран-лидеров, способных определять общерегиональную повестку дня и объединять вокруг неё большинство местных государств. Попытки глав КСА, Ирака, Египта в постколониальный период приобрести широкую популярность в арабском мире и повести за собой население стран региона не увенчались успехом.

События «Арабской весны», происходившие на Ближнем Востоке в начале 2010-х гг., привели к смене политических элит в Египте, Ливии, Тунисе. На территории большого Ближнего Востока по-прежнему сохраняется нестабильность: борьба за власть в Египте, гражданская война в Сирии, анархия в Ливии, накалившееся до предела суннитско-шиитское противостояние, подогреваемое американцами и приведшее к появлению страшной региональной угрозы – Исламского Государства. А, значит, процесс перекраивания политической карты Большого Ближнего Востока не завершён.

Ирак, Сирия и Египет, хоть и ослаблены нестабильностью, но всё-таки располагают серьёзным потенциалом. Ирак выделяется наличием большого количества углеводородных ресурсов. Египет – крупнейшая страна арабского мира. А, значит, от того, какой путь выберут их руководители, во многом зависит судьба регионального баланса сил.

Сохраняющаяся военно-политическая нестабильность в регионе затрудняет формирование каких-либо среднесрочных, а тем более долгосрочных союзов, и, следовательно, замедляет процесс формирования нового порядка на Ближнем Востоке. Следует отметить, что с середины 2010-х гг. конфигурация стран на Большом Ближнем Востоке претерпевает изменения, в первую очередь из-за создания широкой, неформальной антииранской коалиции. Скрепляющим её материалом становится недоверие к Тегерану, который воспринимается в качестве ревизионистской державы, которая стремится перекроить региональный порядок. Наиболее активными членами этой коалиции выступают Катар, Саудовская Аравия, Израиль и Турция, которые постоянно ссылаются на поддержку Соединённых Штатов Америки. Вашингтон же придерживается осторожной линии и выражает готовность к переговорам с Тегераном по поводу ядерной программы.

На фоне долгосрочных противоречий особое значение сегодня приобретают две ключевые особенности среды региональной безопасности, которые влияют на конфигурацию центров силы и контуры потенциальных союзов в регионе.

Суннитско-шиитское противостояние после «Арабской весны» распространилось практически по всему Ближнему Востоку. Западные аналитики выделяют два лагеря в регионе: представители шиитской дуги (Иран, Сирия, Ирак и Ливан) и суннитского блока (Турция, Египет, Саудовская Аравия и другие страны Персидского Залива). Хотя следует обращать внимание и на внутренние противоречия суннитского лагеря. И Саудовская Аравия, и Турция поддерживают антиправительственные силы в Сирии, борются с региональным влиянием Ирана. Не совсем правильно относить оба государства к суннитскому блоку, потому что саудиты ориентируются на ваххабизм и салафизм, поддерживают соответствующие силы в Северной Африке, на Аравийском полуострове, в Сирии, Ливане и Ираке. Турецкое руководство будущее региона связывает с движением «Братья – мусульмане» и придерживается концепции обретения умеренными исламистами власти демократическим путём. Поддержка «Братьев-мусульман» и их сторонников в Египте и Сирии обусловили противоборство турок и саудитов за сферы влияния.

Большое влияние на расстановку сил в регионе оказывают негосударственные участники. Во многих государствах неправительственные силы, среди которых политические и религиозные движения, боевые и террористические группировки, а также отдельные племена (например, Ливия) обрели существенное влияние. Кризис в регионе усилил позиции «Братьев-мусульман» и схожих с ними по взглядам партий, например, «Ан-Нахда» (Тунис). Несмотря на ослабление этих сил в Египте, Сирии и Тунисе, они всё ещё сохраняют достаточное влияние, у них есть серьёзные сторонники и поддержка широких слоёв населения. Укрепилось политическое влияние «Хезболлы» в Ливане, это движение стало основной политической и военной силой в стране. «Хезболла» сыграла решающую роль в переломе ситуации в пользу правительственных войск в Сирии.

Даже мелкие негосударственные субъекты получили доступ к политике: в Ливии, например, кланы разделили страну на сферы влияния, в Саудовской Аравии и Катаре у одного клана или нескольких шей-

хов может оказаться достаточно ресурсов для поддержки той или иной политической или боевой радикальной группировки в другом государстве. Эти группировки способствуют дестабилизации ситуации во многих странах и их территориальному дроблению. Необходимость считаться с наличием такого количества негосударственных сил осложняет и без того напряжённую обстановку на Ближнем Востоке.

До момента формирования устойчивой региональной системы или какого бы то ни было баланса сил заинтересованным государствам придётся пройти длительный путь, потому что выстраиванию упорядоченной и относительно стабильной системы взаимоотношений на Большом Ближнем Востоке препятствуют многочисленные противоречия, пронизывающие регион на всех уровнях, начиная от внешних игроков и заканчивая отдельными кланами внутри конкретных государств. Рост конфликтного потенциала при неразрешённости традиционных вопросов (палестинско-израильский конфликт, ситуация в Ираке) и вновь возникших вопросов (ИГИЛ, Сирия) делает невозможным не только формирование чёткой региональной системы безопасности, но и определение политической карты региона в силу наличия множества узловых проблем, имеющих этно-конфессиональную природу.

Можно сказать, что все действия США сегодня направлены на защиту прежнего превосходства на международной арене, как политического, так и экономического.

Американское правительство стремится сохранить в мире политику нефтедоллара. Мнение о том, что США стремятся наладить бесперебойные поставки нефти с Ближнего Востока, весьма ошибочно. Американским властям нужно не столько топливо, сколько установление и поддержание доллара на мировом рынке. Федеральная резервная система сегодня терпит определённые трудности, которые связаны с тем, что между Китаем и некоторыми ближневосточными странами установлены торгово-экономические отношения, в результате чего они отказываются от использования доллара в качестве валюты для заключения сделок, торговля осуществляется с помощью бартера и национальных валют. Кроме того, Россия распространяет свою «антидолларовую политику» в регионе Ближнего Востока. Например, Сирия – одно из главных арабских государств, где США стремится сохранить нефтедоллар, подписала договор о сотрудничестве с Россией и Китаем. Договор был заключён с учётом использования в сделках национальных валют. В итоге уже к началу 2013 г. доля доллара в международных расчётах упала ниже 50 %, что явилось психологически важной планкой [3].

С идеей о создании региональной системы противоракетной обороны на Ближнем Востоке выступал ещё в 2004 г. президент США Джордж Буш на Стамбульском саммите НАТО. Эта система действительно должна быть направлена на сдерживание Ирана. Американцы и сегодня до принятия окончательного документа по иранской ядерной программе стремятся всячески утратить Тегеран, показывая, что силы в регионе у них имеются. Кроме того, американцы ещё раз подчёркивают, что они верны «Доктрине Картера», которую президент США Джими Картер провозгласил 23 января 1980 г. в ответ на ввод советских войск в Афганистан. Он сказал, что США будут использовать военную силу для доступа к нефти Персидского залива. После этого Ормузский пролив стал одним из самых военизированных участков на всей планете. Б. Обама подчёркивает, что его нынешний курс особенно ничем не отличается от «Доктрины Картера» [1].

Что касается России, то её политика в регионе направлена на достижение вполне реальных задач. Противоречия в регионе Большого Ближнего Востока не создают непосредственную угрозу безопасности России, но они содержат в себе огромный потенциал её международного окружения, подрывая фундаментальные основы российской внешней и внутренней политики. В этих условиях приоритетное внимание Москвы региональной повестке дня Ближнего Востока представляется вполне оправданным. Вместе с тем следует отметить, что российская политика в отношении Ближнего Востока обусловлена целым рядом ресурсных ограничений. Возможности военной мощи Москвы остаются ограниченными, несмотря на укрепление национальных вооружённых сил в последние годы. Россия всё ещё уступает другим ведущим центрам силы (это, прежде всего, США, ЕС и Китай) в инструментах финансово-экономического воздействия: ей не хватает привлекательности крупного внутреннего рынка [2, с. 119].

Сегодня Россия не в состоянии выступать гарантом безопасности и стабильности ни для одного государства региона, каким был Советский Союз, и какими продолжают оставаться Соединённые Штаты для большого круга стран, включая Израиль и Саудовскую Аравию. В этой связи следует отметить, что у России нет ни одного союзника на Ближнем Востоке, который бы в полной мере следовал в русле её политики (Таки союзником для СССР была Сирия на протяжении многих лет). Однако Россия обладает целым рядом очевидных преимуществ. Её возможности влияния на политическую ситуацию в регионе связаны с ролью и статусом в ведущих международных организациях, воздействием посредством военно-технического и энергетического сотрудничества и даже реальным потенциалом на мировых продовольственных рынках. «В последние десятилетия Россия пошла по пути диверсификации круга партнёров в регионе. На смену опоре на несколько ключевых стран, которая была характерной чертой советской политики, пришла широкая сеть связей с многочисленными игроками, включая неправительственные. В этой схеме чрезмерное сближение с одним или несколькими из них могут оказаться контрпродуктивными, поскольку ограничат возможность конструктивного диалога с другими» [2, с. 119].

Значительные различия между странами Ближнего Востока, их экономическое и статусное расслоение, острые противоречия между ними требуют от России выстраивания индивидуальных моделей взаимодействия с каждым партнёром. Поддержание системы диверсифицированных партнёрств требует постоянного дипломатического маневрирования и адаптации к быстро меняющейся обстановке [3].

Быстрая смена политических режимов в ряде государств Ближнего Востока под влиянием как внутренних факторов, так и внешних воздействий создали дополнительные сложности в развитии сотрудничества.

Следует отметить, что у России сегодня нет твёрдых союзников на Ближнем Востоке. Явно «проседают» отношения с Саудовской Аравией и Катаром на фоне серьёзных разногласий сначала по Ливии, а

потом по Сирии. В логику многовекторного сотрудничества с государствами региона, безусловно, такие срывы заложены. Реальный противник у России в регионе один – радикальный исламизм. В долгосрочной перспективе это сближает политику России с интересами других государств региона. В этом вопросе Москва готова к кооперации, в том числе с той частью исламистского движения, которая отказывается от идеи идеологической экспансии в её непосредственном ареале [6, с. 42]. Такая позиция прослеживается и в отношениях с нынешним турецким правительством, и с представителями движения «Братья-мусульмане».

Москва на Ближнем Востоке рассматривается и в качестве внешнего игрока, сотрудничество с которым способствует самостоятельности государств региона во внутренней и международной политике. И, хотя Россия не может выступать противником США, страны региона используют сотрудничество с ней для того, чтобы диверсифицировать собственный портфель международных и внешнеэкономических связей. Особенно важным для них представляется отсутствие увязывания экономических связей с политическими целями. Более того российская стратегия многовекторной дипломатии не распространяется на сотрудничество с оппозиционными силами внутри региона. Россия опирается прежде всего на свои компетенции в энергетическом секторе и на возможность военно-технического сотрудничества.

Наличие большого количества оружия, и ядерного в том числе, в регионе Ближнего Востока, заставляют сегодня политиков задуматься о выстраивании принципиально новой системы региональной безопасности с учётом интересов как региональных, так и надрегиональных игроков. И в этой связи интересным представляется опыт России по выстраиванию внеблоковой, многовекторной системы региональной безопасности с обязательным учётом интересов вовлечённых в этот процесс государств.

Список литературы

1. Америка создаст ещё одну региональную систему противоракетной обороны. Электронные данные. Режим доступа: http://interpolit.ru/blog/ssha_nakinut_petlju_pro_na_persidskij_zaliv/2015-05-06-5024, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
2. Байков А., Истомин И. Неожиданные партнёры России на Ближнем и Среднем Востоке // *Международные процессы*. 2013, май – август. Т. 1, № 2 (33). С. 116.
3. Роль российско-иранского сотрудничества в формировании новых систем региональной безопасности. Электронные данные. Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/04/11/rol-rossijsko-iranskogo-sotrudnichestva-v-formirovanii-novyh-sistem-regionalnoj-bezopasnosti/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
4. США на Ближнем Востоке: убить суверенитет, чтобы спасти доллар. Электронные данные. Режим доступа: <http://vostokpanorama.ru/ssha-na-blizhnem-vostoke-ubit-suverenitet-chtoby-spasti-dollar/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
5. Эфендиева Н. Баланс сил и поведение ключевых игроков на Ближнем Востоке: новый этап. Электронные данные. Режим доступа: <http://1news.az/politics/20150501051041770.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.
6. Якаррино М. Коран и наличные // *Новое время*. 1.12.2014. № 40. С. 42.

References

1. *Amerika sozdast eshche odnu regionalnuyu sistemu protivoraketnoy oborony*. Available at: http://interpolit.ru/blog/ssha_nakinut_petlju_pro_na_persidskij_zaliv/2015-05-06-5024.
2. Baykov A., Istomin I. Neozhidannye partnery Rossii na Blizhnem i Srednem Vostoke. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2013, May – August, vol. 1, no. 2 (33), p. 116.
3. *Rol rossijsko-iranskogo sotrudnichestva v formirovanii novykh sistem regionalnoj bezopasnosti*. Available at: <http://ru.journal-neo.org/2015/04/11/rol-rossijsko-iranskogo-sotrudnichestva-v-formirovanii-novyh-sistem-regionalnoj-bezopasnosti/>.
4. *SShA na Blizhnem Vostoke: ubit suverenitet, chtoby spasti dollar*. Available at: <http://vostokpanorama.ru/ssha-na-blizhnem-vostoke-ubit-suverenitet-chtoby-spasti-dollar/>.
5. Efendieva N. *Balans sil i povedenie klyuchevykh igrokov na Blizhnem Vostoke: novyy etap*. Available at: <http://1news.az/politics/20150501051041770.html>.
6. Yakkarino M. Koran i nalichnye. *Novoe vremya*, 1.12.2014, no. 40, p. 42.